

Научная статья
УДК 343.2/.7
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126

Михаил Матвеевич Бабаев

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>, babaevmm@yandex.ru

*Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1*

Юрий Евгеньевич Пудовочкин

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

Этапы развития современной уголовной политики

Аннотация: Введение. Особенности современной российской уголовной политики могут быть адекватно поняты только в общем контексте процессов её генезиса и развития. Между тем вопрос о хронологических границах современной уголовной политики и её внутренней периодизации остаётся в науке неисследованным.

Методы. Исходя из представлений о диалектической связи политики и права, в статье дана критическая оценка попыткам отслеживать динамику современной уголовной политики исключительно на основе динамики уголовного закона. Опираясь на гносеологические возможности диалектики, необходимо, с одной стороны, обеспечить связь этапов политики с конкретными формами её реализации (прежде всего уголовным законом), а с другой стороны, обосновать самостоятельный критерий, который определяет содержательную трансформацию уголовной политики. Таковым целесообразно признать содержание стратегических документов в области обеспечения национальной безопасности. С использованием логико-юридического, критико-правового метода и контент-анализа в статье даётся авторский вариант хронологии современной уголовной политики России.

Результаты. Доказано, что современная уголовная политика, начав формироваться в 1991 году и развиваясь в логике преодоления противоречий и недостатков предшествующего уголовно-политического курса, не представляет единого содержательного и хронологического континуума. С 2009 года уголовная политика приобрела качественно новые характеристики, совокупность которых даёт основание признать, что с этого момента начался новый этап современной уголовной политики. Переживаемые уголовно-политические изменения носят при этом характер глубинных, трансформационных, что позволяет говорить о формировании и развитии новой уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовный закон, история уголовного права, обеспечение национальной безопасности, трансформации уголовной политики

Для цитирования: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Этапы развития современной уголовной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 117–126; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126.

Mikhail M. Babaev

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>, babaevmm@yandex.ru

*All-Russian Research Institute of the MIA of Russia
25, build. 1, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation*

Yuri E. Pudovochkin

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation*

Stages of contemporary criminal policy development

Abstract: Introduction. The peculiarities of contemporary Russian criminal policy can be adequately understood only in the general context of the processes of its genesis and development. Meanwhile, the issue of chronological limits of contemporary criminal policy and its internal periodisation is still an issue of scientific interest.

Methods. Based on the ideas about the dialectical relationship between politics and law, attempts to examine the dynamics of contemporary criminal policy based only on the evolution of the criminal law are critically analysed. On the one hand, it is necessary, to provide a link between the stages of policy and specific forms of its implementation (primarily criminal law), and on the other hand, to justify an independent criteria determining the substantial evolution of criminal policy. It is reasonable to recognise the content of strategic documents in the sphere of ensuring national security. Using the logical-legal, critical-legal method and content analysis, the article presents the authors' version of the chronology of contemporary criminal policy of Russia.

Results. It is proved that contemporary criminal policy, having begun to form in 1991 and developed within the logic of overcoming the shortcomings and contradictions of the previous criminal policy, is not a single substantive and chronological continuum. Since 2009, criminal policy has obtained qualitatively new elements, the set of which makes it possible to recognise that since that moment a new stage of modern criminal policy has emerged. At the same time, the criminal-political changes are characterised as deep and transformational, making it possible to suggest the formation and development of a new criminal policy.

Keywords: criminal policy, criminal law, history of criminal law, ensuring national security, transformation of criminal policy

For citation: Babaev M. M., Pudovochkin Y. E. Stages of contemporary criminal policy development // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 117–126; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-117-126.

Введение

Уголовная политика современной России являет собой совершенно особый политико-правовой феномен, качественно отличающийся от всего ранее накопленного и реализованного исторического опыта противодействия преступлениям. С этим тезисом, полагаем, невозможно спорить точно в той же мере, в какой необходимо признать уникальность переживаемого страной исторического момента. Однако, отмечая неразрывную, генетическую связь особенностей того или иного исторического этапа развития страны и этапов развития её уголовной политики, надо вместе с тем подчеркнуть несколько проблемных моментов: во-первых, объективные сложности с определением самого понятия «современный этап развития страны» и установлением его хронологических рамок, во-вторых, откровенно турбулентный, порой противоречивый характер текущего момента, сочетание и смену в нём самых разных тенденций, что позволяет в рамках «современного этапа» констатировать отдельные стадии развития, или «подэтапы»; в-третьих, относительно самостоятельный характер и внутреннюю логику развития уголовной политики, что актуализирует вопрос о её собственных эволюционных фазах.

С учётом этих обстоятельств полагаем и возможной, и оправданной постановку самостоятельного вопроса об этапах развития современной уголовной политики России. Его освещение необходимо не столько для приращения учебно-методического знания, уточнения содержания учебной литературы и демонстрации

познавательных возможностей исторического метода в уголовной политологии, сколько для раскрытия внутренней логики развития самой уголовной политики, выявления и анализа её тенденций, обнаружения и раскрытия закономерностей, во многом объясняющих истоки, смысл и значение всего, что происходит в сфере противодействия преступности с использованием уголовно-правовых средств, тем более что вопрос об этапах развития современной уголовной политики в научной литературе ещё не был предметом специального исследования.

Обзор научных позиций

Анализ источников, посвящённых проблемам периодизации истории России, убеждает в наличии в целом согласованного мнения о том, что от 1991 года в развитии страны можно отсчитывать самостоятельный исторический этап, часто именуемый «новой Россией» [2, с. 84; 22, с. 107]. Именно с этой временной точки и юристами, как правило, отсчитывается новый, «современный» этап в развитии отечественного уголовного законодательства и права [14, с. 74; 18, с. 222] (иногда, правда, за точку отсчета принимается 1992 год [19, с. 404] или 1996 год¹ [22, с. 47]).

С таким подходом, полагаем, можно и нужно согласиться. В истории российской уголовной политики 1991 год знаменуется принятием важнейшего документа – Концепции судебной

¹ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. – Москва: Контракт, 2014. – 560 с.

реформы², идеи и положения которой были отражены как в Конституции РФ, так и в последовавшем за этим кардинальным обновлением отраслевого законодательства, включая реформы УК РСФСР 1960 г. в 1992–1995 годах, и принятие нового УК РФ в 1996 году. Таким образом, период с 1991 по 1996 год можно рассматривать как время формирования, теоретического осмысления и нормативного закрепления основ новой (по сравнению с советской) или, иными словами, – «современной» уголовной политики; начало же действия нового УК РФ в январе 1997 года официально закрепило окончательный переход к ней.

Вместе с тем последующее развитие уголовной политики, оставаясь в формальных нормативных рамках Конституции РФ 1993 года и Уголовного кодекса 1996 года, со всей очевидностью не может рассматриваться в качестве единого, однородного этапа. Уж очень сильно различаются тенденции, содержание и приоритеты реализуемого уголовно-политического курса. Это обстоятельство безусловно признается специалистами, хотя его обсуждение и не выводит их на уровень специальных рассуждений о возможной хронологической градации, периодизации современной уголовной политики.

Некоторые попытки определить такие вехи или этапы связываются юристами (иногда удачно, иногда – не очень) с фактами реформирования уголовного закона.

Так, А. Б. Баумштейн, рассуждая о современном уголовном законе, выделяет три периода в его функционировании: период действия, период кризиса и период распада. Он отмечает: «Говоря о “действии” кодекса, мы имеем в виду не формально-юридическое понятие (поскольку кодекс действует и сейчас), а произведённый им эффект упорядочения общественных отношений, когда сам по себе уголовный закон остаётся в целом детищем его создателей, не подвергаясь масштабным изменениям. Эффект принятия УК РФ (“эффект разрыва”, по словам Р. Кабриака) оказался настолько сильным, что несмотря на очевидные “технические ляпы”, ... УК РФ оставался стабильным документом в своих концептуальных положениях. В конце 2003 г. в истории постсоветского уголовного законодательства России наступил ... период кризиса, связанный с принятием известного федерального закона от 8 декабря 2003 г. Масштабная критика этого закона в литературе, поспешность его принятия приводят к выводу о том, что наступление этого периода стало искусственно ускоренным событием. ... Следствием стало лишь одно: состояние российского уголовного законодательства с принятием практически каждого нового закона о его изменениях, направленных, как утверждается в пояснительных записках, только к улучшению, все больше и больше ухудшается. ... УК РФ был “состарен” искусственно, за счёт

часто бездумных и внесистемных его изменений, указаниями на которые полна теоретическая литература сегодняшних дней. ... Фактически сегодня говорится о “распаде” системы уголовного законодательства. ... С этой точки зрения с середины 2000-х гг. можно говорить о переходе к последнему этапу жизни кодекса, периоду реформ. При этом данный переход наблюдается исключительно в теоретической литературе, призывающей либо к масштабной реформе действующего УК РФ, либо к принятию нового кодекса. В законодательной же области продолжается период кризиса, когда количество законов, меняющих кодекс, возрастает лавинообразно» [8, с. 35–39].

Такая периодизация, на первый взгляд, вполне рациональна, поскольку отражает не столько содержание вносимых в закон изменений, сколько производимый ими эффект и соответствие концептуальным началам, заложенным в кодекс политико-правовыми документами в первой половине 90-х годов прошлого столетия. Но в то же время она несёт в себе значительный субъективный и эсхатологический отпечаток, подчеркивая личное отношение автора к судьбе кодекса, констатирующего его «распад».

Есть ещё одно обстоятельство, которое, с одной стороны, не позволяет в полной мере согласиться с А. Б. Баумштейном, а с другой стороны, требует дополнительной проверки для того, чтобы подтвердить его рассуждения. Дело в том, что «распад кодекса», если воспринимать его как итог сознательной и целенаправленной уголовно-политической деятельности, есть свидетельство принципиально, качественно новой политики, направленной не столько на адаптацию кодекса к новым условиям, сколько на его умышленное «умерщвление». Если это так, то реализуемая уголовная политика как минимум неконституционна, а по большому счету – преступна. Вряд ли можно, конечно, говорить об этом всерьёз.

Как бы ни были важны и правильны наблюдения автора, они всё же касаются истории кодекса, не политики. А в этом отношении «распад кодекса» должен рассматриваться не столько как финальная точка истории закона, сколько как промежуточная точка в реализации уголовно-политического курса.

Привязка этапов развития уголовной политики к этапам функционирования уголовного кодекса у некоторых авторов имеет и откровенно ошибочный вид. Например, А. Ю. Епихин выделяет три основных этапа инвентаризации уголовного законодательства, увязывая их с федеральными законами от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (когда были расширены возможности применения штрафа, исключена конфискация имущества, институт неоднократности и т. д.), от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ (когда изменению подверглись санкции едва ли не всех статей Особенной части УК РФ, предусматривавших нижнюю границу наказания в виде лишения свободы) и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (когда

² Концепция судебной реформы. Утверждена Постановлением Верховного Совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

изменился институт категорий преступления, введён новый вид уголовного наказания – принудительные работы; исключён перечень отдельных составов преступления с переводом их в разряд административных правонарушений; введены новые виды отсрочки наказания и т. д.) [15, с. 140].

Полагаем, не требует специальных доказательств мысль о том, что как бы ни были велики и глобальны изменения, вносимые теми или иными законами в УК РФ, с методической точки зрения недопустимо всякий раз устанавливать новый этап в развитии ни самого закона, ни права, ни тем более политики в связи с принятием очередного пакета изменений. Такие законы могут выражать собой единую линию изменений кодекса, могут быть проникнуты общими идеями, могут приниматься сколько угодно часто (вплоть до нескольких законов в один день) или редко. И в этом отношении некоторая совокупность законов может выражать собой последовательное воплощение единого уголовно-политического тренда, быть свидетельством единого этапа в развитии уголовной политики. Найти какой-либо один конкретный или несколько законов, принятие которых однозначно выражало бы смену этапов уголовной политики, вряд ли возможно. Надо к тому же учитывать очевидные вещи, связанные с тем, что закон служит лишь внешней формой (причём одной из возможных) воплощения политики, и в этом отношении он всегда вторичен по отношению к ней. Не изменения закона определяют смену векторов политики, но напротив, смена уголовно-политического курса детерминирует изменения законодательства и отражается в них. Более того, закон не только (а порой и не столько) подтверждает смену политического вектора, но часто «маскирует» истинные политические устремления его авторов, которые должны быть обязательно вскрыты в процессе исследования связи политики и закона. Очень точны в этом отношении рассуждения специалистов о том, что в современном обществе «право выступает не в роли регулятора, как это должно быть, а всего лишь обеспечивает истинный замысел, который для нас остаётся неведомым» [7, с. 65]. «Истинный замысел» и есть собственно политика. С учётом и этого обстоятельства ориентироваться исключительно на изменения закона для познания этапов уголовной политики не представляется возможным.

Крайность иного рода, демонстрирующую отсутствие внимания исследователей к конкретным, привязанным к реальным условиям места и времени, нормативным формам воплощения уголовной политики, демонстрируют работы, в которых этапы или вехи политики связываются исключительно с глобальными трансформациями общества. В таких ситуациях исследователи говорят, к примеру, о модернистской и постмодернистской уголовной политике [10], отмечая, что «уголовной политике в условиях постмодернизационного развития присущи такие признаки, как осознание ограниченности

уголовно-правового ресурса в борьбе с преступностью и, следовательно, перенос акцента на предупредительное воздействие; последовательный переход к восстановительному характеру уголовной политики» [17, с. 150]. Здесь, как представляется, мы имеем дело с теоретическими моделями уголовной политики, которые хотя и отражают этапы её хронологического развития, тем не менее не подчинены задаче обоснования периодизации, выступают итогом её типологизации, которая к тому же нуждается в дополнительной конкретизации, учитывая неопределённость самого понятия «постмодерн» и признание наличия стадий развития общества после «постмодерна» [9; 20].

Таким образом, в решении вопроса о периодизации современной уголовной политики необходимо, с одной стороны, обеспечить её связь с конкретными формами реализации (прежде всего уголовным законом), а с другой стороны, обосновать критерий, который содержательно определяет трансформацию политики, её переход от одной стадии к другой.

В доступной литературе имеется, пожалуй, единственная попытка решить эту задачу. Речь идёт об авторитетном наблюдении Э. Ф. Побегайло, по мнению которого, в политике противодействия преступности начала XXI столетия целесообразно выделять два этапа, характеризующиеся сменой курса: первый (2001–2011 гг.) был связан с осуществлением «глобальной гуманизации и либерализации уголовной ответственности», второй (с 2012 г.) связан, по его мнению, с переходом к «криминологически обоснованному ужесточению уголовной репрессии» [21, с. 74, 83]. С этой периодизацией содержательно коррелирует и представленная нами в ранее опубликованной работе типология моделей уголовной политики, включающая «либеральную», соотносимую с периодом 80 – 90-х годов XX века, и «современную», проявившую себя с начала 2000-х годов [4, с. 20].

Признавая перспективность этого подхода, на данном этапе работы над темой, полагаем необходимым развить эти идеи и внести некоторые уточнения в части обоснования критериев и этапов периодизации современной уголовной политики.

Критерии и этапы периодизации современной уголовной политики

Рассуждая о развитии современной уголовной политики России, мы отчётливо противопоставляем два её этапа, кардинально различающихся в аспектах соотношения либерализма и репрессивности. Однако требования объективности научного исследования, особенно правового, социального и политологического, предполагают максимально возможное исключение оценочных суждений из набора признаков, которыми маркируется тот или иной этап в развитии политико-правового процесса. Следуя этой идее, полагаем возможным и оправданным обратиться в поиске критерия для периодизации современной российской уголовной политики

к основополагающим политико-правовым документам, определяющим цели, содержание и приоритеты национальной политики страны в области обеспечения безопасности, памятуя о том, что уголовная политика есть особый элемент политики обеспечения безопасности от криминальных угроз.

Таковыми документами выступают Стратегии (ранее – Концепции) национальной безопасности Российской Федерации. Первая такая Концепция была принята в 1997 году. Затем были Концепция 2000 года, Стратегии 2009, 2015 и 2021 годов³. Итого пять документов за 24 года, которые соответствуют периоду действия современного УК РФ. Анализ основных параметров этих официальных источников в части определения основных угроз и приоритетов обеспечения национальной безопасности позволяет на документальном уровне и подтвердить этапность современной уголовной политики, и зафиксировать время смены её этапов.

В качестве темпоральной точки содержательного слома основных тенденций уголовной политики вполне отчётливо определяется 2009 год. В подтверждение этому несколько важных наблюдений.

– С 2009 года фиксируются существенные изменения в понимании национальных интересов страны. Если Концепции 1997 и 2000 годов исходили из того, что система национальных интересов России определяется совокупностью основных и сбалансированных интересов личности, общества и государства; ставили интересы личности на первое место в этой совокупности; признавали основными интересами личности реальное обеспечение конституционных прав и свобод, личной безопасности, повышение качества и уровня жизни, физическое, духовное и интеллектуальное развитие человека, то начиная с 2009 года, во-первых, интересы личности как самостоятельный национальный интерес в стратегических документах не упоминаются, они слиты воедино с интересами государства и общества и интегрированно состоят в «безопасности и устойчивом развитии»; во-вторых, изменился порядок предствления национальных интересов в Стратегиях (если в 2009 году на первом месте было заявлено развитие демократии и гражданского общества, то в 2015 – укрепление обороны страны, обеспече-

ние суверенитета, государственной и территориальной целостности); в-третьих, с 2009 года появилась особая категория «стратегических национальных интересов», приоритеты среди которых также существенно изменились: если в 2009 году государство на первое место ставило повышение качества жизни российских граждан и экономический рост, то в 2021 году на первое место поставлено безликое, без обращения к личности человека, «сбережение народа» и оборона страны.

– С 2009 года меняется расстановка акцентов в понимании основных угроз безопасности. Концепции 1997 и 2000 годов прямо называли преступность в ряду таких угроз («Преступный мир, по существу, бросил вызов государству, вступив с ним в открытую конкуренцию. Поэтому борьба с преступностью и коррупцией носит не только правовой, но и политический характер» – 1997 год). Однако в последующем стратегические документы, хотя и не отрицают опасности преступности как угрозы безопасности, некоторым образом смещают акценты с восприятия опасности преступности как таковой на опасность отдельных проявлений, видов преступности (в 2009 году это незаконная миграция, наркоторговля и торговля людьми, другие формы транснациональной организованной преступности; в 2015 году – новые формы противоправной деятельности, в частности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий; в 2021 году – преступления против собственности, в сфере использования водных биологических и лесных ресурсов, в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в кредитно-финансовой сфере).

– Имеет характерную динамику и выраженное в стратегических документах отношение государства к преступности. Интересно обратить внимание, что документы 2009 и 2015 годов (то есть в середине рассматриваемого временного периода) использовали слово «преступность» не более пяти раз, тогда как в 1997, 2000 годах (в начале современного периода истории политики) и в 2021 году (последний по времени документ) оно встречается уже более 15 раз. Это сам по себе примечательный факт, с учётом отмеченного выше отношения к восприятию опасности преступности. Можно предположить, что если в 1997 и 2000 годах это обстоятельство было обусловлено объективными факторами, характеризующими состояние общественных отношений, то к 2021 году наращивание темпов в использовании угрозы преступности для конструирования политики безопасности стало в большей степени сознательно управляемым и политически мотивированным. С этим сопрягаются и еще одно значимое обстоятельство, связанное с трансформацией закреплённого в важнейших политико-правовых документах принципа реагирования на преступность. В Концепциях 1997 и 2000 годов указывалось: «Решения и меры, принимаемые органами государственной власти в области борьбы с преступностью, должны быть открытыми, конкретными и понятными

³ Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. – 1997. – 26 дек.; Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 2. – Ст. 170; Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2444; Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212; Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

каждому гражданину, носить упреждающий характер, обеспечивать равенство всех перед законом и неотвратимость ответственности, опираться на поддержку общества». Однако в 2021 году Стратегия исходит из качественно иного базиса, утверждая о необходимости обеспечения реализации *принципа неотвратимости наказания* за совершение преступления, а также формирования в обществе атмосферы *нетерпимости к противоправной деятельности* (курсив наш – М.Б., Ю.П.).

Анализируя документы стратегического характера в сфере обеспечения национальной безопасности, можно, таким образом, констатировать, что 2009 год являет собой точку вполне определённого слома тенденций и настроений в реализации политического курса. В соответствии с этим допустимо считать, что в истории современной уголовной политики страны выделяются два существенно различающихся в содержательном отношении этапа: первый – с момента принятия Концепции судебной реформы в 1991 году и до момента утверждения Стратегии национальной безопасности в 2009 году; и второй – с 2009 года по настоящее время.

Специфические признаки, по которым уголовная политика на этих двух этапах различается, могут быть представлены следующим образом:

- отказ от признания самостоятельной ценности прав и интересов отдельной личности, переход к политике отождествления интересов личности и государства (Стратегия 2021 года прямо закрепила: «Только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России»);

- отказ от приоритетного обеспечения интересов безопасности личности в пользу первоочередного обеспечения интересов государственной и общественной безопасности;

- отказ от политики обеспечения и защиты индивидуальных интересов личности к политике сбережения народонаселения как некоей массы людей;

- отказ от целостного восприятия преступности как угрозы безопасности и переход к акцентированному восприятию опасности отдельных видов преступности;

- смещение акцентов в оценке опасности криминальных угроз – с акцентированного внимания на внутренние угрозы безопасности личности и экономических отношений на подчёркнутое признание повышенной опасности внешних, инспирируемых из-за рубежа угроз безопасности государственного суверенитета.

Причины смены этапов уголовной политики

Имеющие очевидную этапность изменения уголовной политики страны, признаваемые, пожалуй, всеми без исключения специалистами, продиктованы множеством причин, глубокий анализ которых, с одной стороны, выходит далеко за пределы нашего исследования и требу-

ет специальных познаний в области политики, экономики, социологии, социальной психологии и т. д.; но, с другой стороны, необходим для понимания глубинных и закономерных связей основных тенденций уголовной политики с политико-правовым развитием страны.

В правовой литературе нам встретилась, пожалуй, единственная попытка объяснить отмеченную смену тенденций и этапов. В частности, М. В. Бавсун связывает происходящее с изменяющейся мировой конъюнктурой и геополитическими сдвигами. Он пишет: «В условиях изменяющейся мировой конъюнктуры, в результате чего в опасное положение в первую очередь попадают государственные устои, приоритет охраны всегда будет смещаться в сторону основ государственной власти и конституционного строя, в том числе в ущерб интересам личности», при этом он подчёркивает, что переход к приоритетности защиты государства в условиях меняющейся обстановки указывает на смену самой идеи противодействия преступности, а не просто на изменение отдельно взятых средств борьбы с ней» [5, с. 485–487]. И далее: «Смена эта произошла не сама по себе, а под давлением событий геополитического свойства и выглядит сегодня как естественная защитная реакция на попытки оказать влияние на процессы развития российского государства и общества. В последнее время эти попытки стали носить максимально агрессивный характер, что самым непосредственным образом повлияло на трансформацию уголовно-правовой политики государства и, как итог, отразилось не только на динамике изменений отечественного уголовного законодательства, но и на характере вносимых в него новелл. Его меняющийся облик в последние несколько лет представляет собой лишь следствие (хоть и не всегда логичное) меняющегося отношения к базовым ценностям, обусловленное во многом воздействием факторов геополитического масштаба» [5, с. 491].

Это объяснение и разумное, и допустимое. Однако, на наш взгляд, явно недостаточное. Как часть внутренней политики государства, уголовная политика детерминируется не только (а возможно, и не столько) внешнеполитическими факторами, сколько обстоятельствами внутреннего государственного и общественного порядка. Россия же с 2000-х годов вступила в новую фазу своего политического развития. Его основные ориентиры были заявлены В. В. Путиным в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий». Реализация «российской идеи», по его мнению, требовала опоры на традиционные исконные ценности россиян: патриотизм (чувство гордости за Отечество), державничество (Россия – великая страна), государственничество (крепкое, сильное государство – источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен)⁴. Не станем входить

⁴ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. – 1999. – 30 декабря.

в обсуждение вопроса о том, насколько адекватно эти в целом позитивные идеи были реализованы и какими методами воплощались в действительности. Но полагаем очевидным, что совокупность этих идей существенным образом расходилась с концепцией либерального государства, что в итоге привело к принципиальной трансформации политического режима в стране. Наблюдения и оценки политологов и социологов сегодня свидетельствуют о том, что в стране сформировался «гибридный режим парадемократии, находящийся на стыке авторитаризма и демократии, с опорой на её институты и процедуры» [1, с. 176], особый «мягкий авторитаризм» [13] или просто «авторитаризм» [12].

Утверждение этого нового типа политического режима, во многом опиравшееся на «авторитарный синдром» населения страны, стало мощным внутренним импульсом к трансформации уголовной политики и одновременно требовало такой трансформации в качестве своего обязательного условия. Для общества с доминирующими авторитарными запросами «характерно преобладание категорий силы, безопасности и порядка, дисциплины и подчинения, властные отношения иерархичны, распространены патернализм, нетерпимость (ксенофобия), национализм, поиск врага» [11, с. 46].

Совпадение внутривнутриполитических трансформаций российского общества и внешнеполитической конъюнктуры (сознательно ограничимся словом «совпадение» и не будем искать между этими факторами причинных связей) в итоге и привело к смене уголовно-политического курса и вступлению современной уголовной политики в новый этап своего развития.

Последствия смены этапов уголовной политики

Последствия перехода от одного этапа уголовной политики к другому (они же по сути своей представляют и основные характеристики новой уголовной политики) вполне явственны [23, с. 109]. Среди них: дезавуированность идеологических оснований уголовного права и прикрытие любых изменений закона конституционными формулами о ценности безопасности; ставка на технический характер правовых норм с требованием их максимальной определённости и конкретизированности, вплоть до персонификации правовых норм (М. В. Бавсун и Д. В. Попов говорят о «гиперопределённости права» [6]); смена приоритетов уголовно-правовой охраны в пользу интересов коллективной и прежде всего государственной безопасности; нарастание репрессивных начал с точки зрения возрастания объёмов криминализированных деяний и ужесточения санкций; акцентированное внимание к абсолютным теориям наказания и смена представлений об его утилитарном значении (забвение идей исправления и перевоспитания преступников в пользу восстановления справедливости и компенсации причиненного вреда); широкое развитие правоограничительных средств предупредительного характера за

пределами текста уголовного закона.

В качестве самого общего, собственно политологического, отличия текущего этапа уголовной политики от предшествующего можно назвать тот факт, что стратегия и тактика противодействия преступлениям стали в большей степени «политическими» и в меньшей – «уголовно-правовыми». Различия эти восходят к концептуальным построениям Дюркгейма и Фуко о функциях преступности и задачах политики противодействия ей. У первого преступность и борьба с ней призваны обеспечить нормативное, моральное единство общества, у другого – они выступают лишь в качестве средства управления общественными группами и селективного принуждения. При всем том, что эти концепции не являются взаимоисключающими, не требуется особых интеллектуальных усилий для того, чтобы понять: уголовная политика, базирующаяся на той или иной из них, принципиально различается с точки зрения содержания уголовно-правового запрета и мер уголовно-правового характера, целей уголовного наказания, организации судебного процесса и стандартов доказывания, роли и возможности суда в противодействии преступности, критериев оценки эффективности политики и т. д. Уголовная политика с опорой на идеи Дюркгейма, как представляется, вполне может быть отнесена к разряду «классических», делающих ставку на аморальность как признак преступления, вину как основание ответственности, исправление как цель наказания, воспитательную роль суда. Политика же в духе Фуко – «модернистская», банализирующая и рутинизирующая судебный процесс, пренебрегающая индивидуальными особенностями личности, ставящая сам факт ответственности и наказания преступника выше цели наказания, а по сути, признающая целью политики само осуществление наказания [3].

Но, пожалуй, главный признак нового уголовно-политического курса, отражающий последствия смены этапов уголовной политики, это признаваемое едва ли не всеми специалистами наращивание репрессивных начал и усиление контролирующих функций государства. Оценивая это последствие в социально-прогностическом отношении, стоит обратить внимание на одно известное наблюдение, связанное с наличием существенной зависимости между степенью жёсткости уголовно-правового и иных форм социального контроля и уровня преступности. В отечественной литературе об этом много и убедительно писал В. В. Лунеев [16, с. 69–80]. Суть подтверждённой им закономерности проста: чем жестче социальный контроль, тем ниже уровень преступности, в связи с чем преступность в государствах с авторитарным режимом всегда значительно меньше в своих масштабах, чем преступность в демократически ориентированных странах.

Экстраполируя действие этой закономерности на ближайшую перспективу, можно вполне ответственно заявлять о том, что снятие

или игнорирование (прежде всего правовых, конституционных) барьеров для усиления авторитарно-репрессивных начал и наращивание интенсивности социального контроля во всех его формах на фоне вытеснения дюркгеймовских представлений о целях уголовной политики будет, конечно, эффективно способствовать технологическому сдерживанию и подавлению девиантности. Но надо также ответственно сознавать, что такой результат, во-первых, достигается непомерной ценой в виде попрания прав человека (чей формальный конституционный статус остается текстуально неизменным), и во-вторых, не может быть окончательным, вечным или бесконечно долгим. История много раз доказывала (а её объективные уроки имеют свойство неизменно повторяться), что любое «репрессивное сдерживание» может обернуться социальным, а в нашем случае – криминальным взрывом, который в конечном итоге «похоронит» соответствующую модель уголовной (и в целом социальной) политики, знаменуя новый социально-исторический этап.

Можно, по всей видимости, привести и иные, дополнительные (конкретизирующие и уточняющие) характеристики нового этапа уголовной политики. При этом, однако, важно понимать главное: эти характеристики не могут и не должны восприниматься в качестве свидетельства кризиса российской уголовной политики как таковой. Они – суть отражение основных положений новой (!) уголовной политики новой России, то есть такой уголовной политики, которая в текущих условиях не может быть иной, ибо она – плоть от плоти реализуемого страной внутри- и внешнеполитического курса. Этим мы несколько не хотим оправдать или одобрить

реализуемый в стране уголовно-политический курс, не хотим признать реализуемую уголовную политику абсолютно верной, адекватной и т. д. «Достоинство» (если допустимо применить это слово в данном случае) уголовной политики лишь в том, что она отражает общеполитический курс развития страны, соответствует ему и поддерживает его. Но это вовсе не предполагает, что сама по себе эта уголовная политика (и, кстати, лежащий в её основе тренд государственного развития) защищены от критики.

Заключение

Оценивая состоявшийся переход к новому этапу современной российской уголовной политики, надо констатировать в качестве обобщённого теоретического вывода тезис о недопустимости смешения двух концептов: «новая уголовная политика» и «новый этап уголовной политики». В 2009 году состоялся выраженный, чётко фиксируемый в политико-правовых документах переход к новому этапу постсоветской российской уголовной политики. Однако связанные с ним изменения, их причины и последствия представляются настолько глубокими и значимыми, что не позволяют признать наблюдаемые сегодня процессы частью того обновления советской уголовной политики, которое началось в начале 1990-х годов. В настоящее время мы наблюдаем обновление уже обновлённой в 1991–2008 годах уголовной политики, и нынешний вариант новаций справедливо в теоретическом отношении рассматривать в качестве очередного, самостоятельного процесса трансформации, а саму политику – в качестве новой российской уголовной политики.

Список литературы

1. Антонов Ф. С. Институциональное воспроизводство парадемократического авторитаризма: причины и последствия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 2 (18) – С. 174–184.
2. Арзамаскин Ю. Н. Периодизация истории России: прозрачная ясность или труднейшая головоломка // Вестник Самарского юридического института. – 2013. – № 2 (10). – С. 81–84.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Преступность и судебно-уголовная политика // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 12. – С. 26–40.
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика XXI века. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 208 с.
5. Бавсун М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 483–493.
6. Бавсун М. В., Попов Д. В. Гиперопределённость уголовного права как предпосылка его деградации / Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 21 сентября 2018 г.): в 2-х т. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – Т. 1. – С. 34–40.
7. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 4 (71). – С. 62–70.
8. Баумштейн А. Б. Этапы развития российского уголовного законодательства (постсоветская эпоха) / Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (Москва, 26–27 января 2012 г.). – Москва: Проспект, 2012. – С. 35–39.
9. Беспалая О. П. После постмодерна: альтермодерн, трансмодерн, постпостмодерн // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 20–22.

10. *Гилинский Я. И.* Уголовная политика в эпоху постмодерна: проблемы и реальность // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов V Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 3 ноября 2017 г.) / отв. ред. Е. Н. Рахманова. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2018. – С. 91–99.

11. *Григорьева Е. Б.* Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 46–54.

12. *Денисов С. А.* Политический режим современной России // Политическая концептология. – 2018. – № 2. – С. 146–156.

13. *Дорожкин Ю. Н.* Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? // Власть. – 2016. – № 8. – С. 14–18.

14. *Дроздова Н. Ю.* К вопросу об этапах развития уголовного законодательства России // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 2. – С. 71–75.

15. *Епихин А. Ю.* Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестник Удмуртского университета. – Вып. 3. Экономика и право. – 2012. – № 3. – С. 140–145.

16. *Лунеев В. В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. – Москва: Норма, 1997. – 497 с.

17. *Макеева Н. В.* Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). – С. 146–155.

18. *Михайлова А. Ю.* История развития российского уголовного законодательства // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. – 2015. – № 5. – С. 221–225.

19. *Наумов А. В.* Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. / 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – Ч. II. – 640 с.

20. *Павлов А. В.* Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 1. – С. 69–83.

21. *Побегайло Э. Ф.* Актуальные вопросы уголовной политики в современных условиях // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 1. – С. 74–86.

22. *Столярова Н. В.* Проблемные вопросы периодизации отечественной истории // Вестник Самарского юридического института. – 2013. – № 3 (11). – С. 104–107.

23. *Турских М. Г.* Право в государствах с авторитарным политическим режимом // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3 (54). – С. 109–115.

References

1. *Antonov F. S.* Institutsional'noye vosproizvodstvo parademokraticeskogo avtoritarizma: prichiny i posledstviya // Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya. – 2018. – № 2 (18) – S. 174–184.

2. *Arzamaskin Yu. N.* Periodizatsiya istorii Rossii: prozrachnaya yasnost' ili trudneyshaya golovolomka // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2013. – № 2 (10). – S. 81–84.

3. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Prestupnost' i sudebno-ugolovnaya politika // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2021. – Т. 25. – № 12. – S. 26–40.

4. *Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye.* Rossiyskaya ugolovnaya politika XXI veka. – Moskva: Yurlitinform, 2020. – 208 s.

5. *Bavsun M. V.* Vliyaniye faktorov geopoliticheskogo kharaktera na izmeneniye ugolovno-pravovoy politiki gosudarstva // Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – Т. 9. – № 3. – S. 483–493.

6. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Giperopredelonnost' ugolovnogo prava kak predposylka yego degradatsii / Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Krasnodar, 21 sentyabrya 2018 g.): v 2-kh t. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – Т. 1. – S. 34–40.

7. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Metamodern v prave: ostsillyatsiya v tochke Kanetti. Stat'ya I. Proliferatsiya norm i razum // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2018. – № 4 (71). – S. 62–70.

8. *Baumshiteyn A. B.* Etapy razvitiya rossiyskogo ugolovnogo zakonodatel'stva (postsovetskaya epokha) / Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 26–27 yanvarya 2012 g.). – Moskva: Prospekt, 2012. – S. 35–39.

9. *Bespalaya O. P.* Posle postmoderna: al'termodern, transmodern, postpostmodern // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. – 2014. – № 3. – S. 20–22.

10. *Gilinskiy Ya. I.* Ugolovnaya politika v epokhu postmoderna: problemy i real'nost' // Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika : sbornik materialov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 3 noyabrya 2017 g.) / отв. ред. Ye. N. Rakhmanova. – Sankt-Peterburg: Petropolis, 2018. – S. 91–99.

11. *Grigor'yeva Ye. B.* Politicheskiye efekty avtoritarnogo sindroma v sovremennom politicheskom protsesse Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 379. – S. 46–54.

12. *Denisov S. A.* Politicheskiy rezhim sovremennoy Rossii // Politicheskaya kontseptologiya. – 2018. – № 2. – S. 146–156.

13. *Dorozhkin Yu. N.* Politicheskaya sistema sovremennoy Rossii: demokratiya ili avtoritarizm? // Vlast'. – 2016. – № 8. – S. 14–18.

14. *Drozdova N. Yu.* K voprosu ob etapakh razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2020. – № 2. – S. 71–75.
15. *Yepikhin A. Yu.* Osnovnyye napravleniya ugovolnoy politiki Rossii na sovremennom etape // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – Vyp. 3. Ekonomika i pravo. – 2012. – № 3. – S. 140–145.
16. *Luneyev V. V.* Prestupnost' XX veka: mirovyye, regional'nyye i rossiyskiye tendentsii. Mirovoy kriminologicheskii analiz. – Moskva: Norma, 1997. – 497s.
17. *Makeyeva N. V.* Ugolovnaya politika v usloviyakh modernizatsionnykh i postmodernizatsionnykh protsessov: sravnitel'no-pravovoy analiz // Lex Russica. – 2016. – № 7 (116). – S. 146–155.
18. *Mikhaylova A. Yu.* Istoriya razvitiya rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva / Nauchnyye itogi goda: dostizheniya, proyekty, gipotezy. – 2015. – № 5. – S. 221–225.
19. *Naumov A. V.* Prestupleniye i nakazaniye v istorii Rossii: v 2 ch. / 2-ye izd., perarb. i dop. – Moskva: Prospekt, 2020. – Ch. II. – 640 s.
20. *Pavlov A. V.* Obrazy sovremennosti v XXI veke: sverkhmodernizm // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. – 2019. – № 1. – S. 69–83.
21. *Pobegaylo E. F.* Aktual'nyye voprosy ugovolnoy politiki v sovremennykh usloviyakh // Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii. – 2013. – № 1. – S. 74–86.
22. *Stolyarova N. V.* Problemnyye voprosy periodizatsii otechestvennoy istorii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2013. – № 3 (11). – S. 104–107.
23. *Tirskikh M. G.* Pravo v gosudarstvakh s avtoritarnym politicheskim rezhimom // Sibirskiy yuridicheskii vestnik. – 2011. – № 3 (54). – S. 109–115.

Статья поступила в редакцию 28.05.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 27.06.2023.

The article was submitted May 28, 2023; approved after reviewing June 11, 2023; accepted for publication June 27, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.